

ГЕНРИ ЛЭНГЛИ

МАНЗИ — ЗНАЧИТ «ЧЕЛОВЕК ЧЕСТИ»

ИСТОРИЯ ОДНОГО РУАНДИЙЦА

18+

Генри Лэнгли Манзи — значит «человек чести»: история одного руандийца

<https://litres.ru/74421323>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восемь лет Манзи, когда Руанда захлебнулась кровью, и вся его семья погибает рядом, пока он прячется под землей. Спустя годы во Франции он становится журналистом и начинает расследовать, как язык страха превращает человека во врага. Прошлое возвращается, когда профессиональный долг сталкивается с угрозой семье, а молчание оказывается опаснее правды и дороже собственной безопасности.

Генри Лэнгли

Манзи — значит

«человек чести»: история одного руандийца

Эта книга является художественным произведением. В ее основе использованы отдельные реальные исторические события, публично доступные документы, сведения о законах, организациях, судебных делах и общественных деятелях. Наряду с ними автор использует художественный вымысел, реконструированные ситуации, диалоги и персонажей.

Упоминание реальных лиц и организаций не означает утверждения об их виновности в каких-либо противоправных действиях. Спорные оценки, предположения и выводы, высказанные персонажами, отражают их точку зрения в рамках художественного повествования и не должны автоматически восприниматься как позиция автора или как установленный факт.

Любое сходство вымышленных персонажей с реальными лицами, если такие лица прямо не обозначены в тексте как реальные, является случайным.

Одна рука не может удержать крышу дома, но вме-

сте мы удержим небо.

Руандийская мудрость

Пролог

Ночь над холмами Мукунгвы опускалась тяжело, словно пропитанная влагой и невидимой пылью. В прежние годы в это время суток селение наполнялось многоголосым гулом: перекликались женщины, созывая детей к ужину, глухо мычали коровы в загонах, а мужчины, сидя у порогов своих глинобитных домов, неспешно обсуждали виды на урожай кофейных зерен. Но весной 1994 года привычная жизнь исчезла. Тишина над рекой стала осязаемой, липкой и пугающей.

Восьмилетний Манзи лежал на плетеной циновке в углу комнаты. Сон не шел. Через открытое окно доносился стрекот цикад, но даже он казался приглушенным, словно природа тоже затаила дыхание. Из соседнего двора, принадлежавшего семье Гахиги — людям, с которыми отец Манзи еще недавно делил один кувшин домашнего бананового пива, — плыл механический, трескучий звук. Это работал радиоприемник.

Раньше радио приносило в дома музыку. Под ритмичные мелодии руандийской румбы женщины толкли зерно, а дети танцевали в пыли, поднимая босыми ногами золотистые облачка. Теперь из динамика лился только один голос — вкрадчивый, уверенный, завораживающий своей монотонной жесткостью. Диктор радиостанции «Свободное ра-

дио тысячи холмов» говорил на чистейшем киньяруанда — языке, который веками объединял людей на этих склонах. Но слова, которые он произносил, были чужими, режущими слух.

— Вы знаете, кто они, — шипел голос из темноты, перекрывая стрекот насекомых. — Они прячутся в тени. Они забирают вашу землю. Инзие. Тараканы. Они не люди, они — болезнь на теле нашей прекрасной страны. Вырвите сорняки, пока они не задушили ваши посевы.

Манзи не понимал значения этих слов, но он физически чувствовал, как от них меняется воздух в комнате. Мать стояла у незажженного очага. Ее силуэт, освещенный лишь бледным светом луны, казался неподвижным, как изваяние из черного дерева. Отец сидел на низком табурете, тяжело опустив голову на руки. Двое старших братьев жались у противоположной стены. В их доме радио не включали уже несколько недель.

Со двора Гахиги донесся еще один звук — ритмичный, металлический. Вжик-вжик. Вжик-вжик.

Сосед точил мачете о точильный камень. Манзи знал этот звук с младенчества: так точили лезвия перед тем, как идти рубить толстые стебли банановых пальм или расчищать подлесок для новых посадок на кофейной плантации. Но сейчас не было сезона для такой работы. И точили не одно лезвие — к звуку со двора Гахиги присоединился такой же глухой скрежет с холма напротив, потом еще один, чуть дальше.

Скрежет металла сливался с голосом диктора, образуя страшную колыбельную. Мать подошла к окну и медленно, стараясь не скрипнуть петлями, прикрыла деревянные ставни. Но звук никуда не исчез, он проникал сквозь щели, просачивался сквозь стены, забирался под тонкую циновку.

— Они просто напуганы, — тихо, почти одними губами произнес отец. — Это пройдет. Мы один народ, молимся единому Имане. Завтра я поговорю с Гахиги, напомним ему о наших коровах — мы же обменивались дарами.

Мать не ответила. Она подошла к Манзи, опустилась на колени и поправила одеяло, укрывавшее его плечи. Ее рука, обычно теплая и пахнувшая кофейными зернами, была ледяной. Она долго смотрела на младшего сына, словно пытаясь запомнить каждую черточку его лица в полумраке.

В ту ночь никто в доме не сомкнул глаз. Манзи смотрел в потолок, слушая, как радио на соседнем дворе продолжает свою бесконечную проповедь. Он еще не знал, что слова могут убивать, не знал, что голос из маленькой пластиковой коробки способен стереть вековую историю, превратить друзей в палачей, а людей — в мишени. Он просто слушал скрежет точильных камней и ждал утра, надеясь, что с рассветом этот морок рассеется, и соседские мальчишки снова позовут его играть к реке.

Но рассвет не принес облегчения. Воздух за окном потяжелел от запаха гари, а вместо пения птиц над холмами Му-кунгвы повис протяжный, полный животного ужаса крик.

Глава 1. Тени банановых рощ

Влажная красная земля Мукунгвы пахла утренним туманом и терпкой сладостью кофейных ягод. Тяжелое лезвие machete с глухим, ритмичным стуком входило в плотный кустарник, расчищая путь к нижним ветвям плантации. Рукоять инструмента в мозолистых руках отца скользила от пота, но его движения оставались точными, выверенными годами тяжелого труда. Позади него, пробираясь сквозь густые заросли слоновой травы, восьмилетний Манзи бережно придерживал плетеную корзину на бедре. В нее отправлялись самые крупные, налитые багровым соком ягоды, которые случайно падали на землю во время сбора.

Солнце только начинало свой путь над зелеными холмами, а работа уже кипела по всему склону. Густые банановые рощи, опоясывающие селение плотным кольцом, давали спасительную тень, но здесь, на открытых террасах, воздух нагревался стремительно. Слева от отца трудился старейшина Гахиги — высокий, жилистый мужчина с глубокими морщинами у глаз, которые становились еще заметнее, когда он щурился от яркого света. Его участок земли граничил с их владениями, но на время сбора урожая невидимые межи стирались.

Мужчины рубили жесткий подлесок бок о бок, перебрасываясь короткими шутками на певучем киньяруанда. Никого на этом склоне не заботило, кто из них высокий и тон-

кокостный, а кто коренастый и широкоплечий. Исторические ярлыки, записанные в паспортах бельгийскими чиновниками десятилетия назад, здесь, среди кофейных деревьев, не имели никакого веса. Они были прежде всего соседями, делившими одну вулканическую почву, одни засухи и один урожай.

Чуть ниже по склону, у самой кромки реки, мерцающей под лучами солнца, женщины расстелили широкие циновки из сухого тростника. Там мать Манзи вместе с женой Гахиги и другими соседками ловкими движениями сортировали собранные зерна, отделяя зеленые от спелых. Оттуда доносилось тихое, многоголосое пение. Традиционная рабочая песня задавала ритм всей плантации — под ее размеренный такт взлетали мачете мужчин и мелькали пальцы женщин.

Корзина мальчика постепенно тяжелела, оттягивая плечо. Острые листья царапали босые ноги, однако Манзи старался не обращать на это внимания, желая поспевать за старшими братьями. Те уже перешли на следующий ряд, ловко пригибая упругие ветви кофейных деревьев и обирая их дочиста.

— Эй, маленький леопард! — окликнул его Гахиги, опираясь на деревянное топорище и утирая лоб тыльной стороной ладони. — Если будешь собирать так быстро, нам с твоим отцом не останется работы. Придется отдать тебе наши мачете, а самим идти нянчить коз.

Отец Манзи тихо рассмеялся, выпрямляя уставшую спину и разминая плечи.

— Пусть сначала научится носить корзину так, чтобы половина ягод не высыпалась обратно в траву, — с доброй усмешкой ответил он, кивнув на тонкий красный след из оброненных зерен, тянувшийся за сыном.

Мальчик смущенно опустил глаза, но тут же бросился подбирать упавшие ягоды, вызывая новый взрыв добродушного смеха у взрослых. Работа продолжалась, пока тени от деревьев не начали стремительно укорачиваться, прячась под самые корни.

К полудню зной стал невыносимым. Воздух над террасами задрожал, превращаясь в густое марево, а пение женщин у реки стихло, сменившись тяжелым дыханием. Рубить подлесок в такие часы было бессмысленно и опасно. По негласному правилу, заведенному еще дедами их дедов, селение останавливало работу.

Убежищем от палящего солнца служила широкая тень старого священного фикуса — ибигабиро, чьи корни оплетали каменистый выступ холма, словно гигантские узловатые пальцы. Под его раскидистой кроной земля всегда оставалась прохладной. Мужчины рассаживались по кругу на принесенных циновках, передавая друг другу тяжелую калекбасу с водой. Женщины расположились чуть поодаль, расставляя деревянные миски с вареной фасолью, бататом и желтыми лепешками. Никто не ел в одиночку. Мать Манзи протянула кусок теплой лепешки младшему сыну Гахики, а жена старейшины налила коровьего молока в глиняную кружку для

Манзи.

Утолив жажду, мальчик протиснулся между коленями старшего брата и уселся прямо на корни фикуса. Вокруг мгновенно собралась стайка детворы — сыновья и дочери соседей, с которыми он с самого рождения делил игры в банановых зарослях. Они толкались локтями, шептались и ждали. Все знали, что полуденный отдых рядом со старейшиной редко обходился без историй.

Гахиги неторопливо отпил из калебасы, передал ее отцу Манзи и обвел взглядом притихших детей. Его глаза, выцветшие от времени, смотрели внимательно и строго, но в густой бороде пряталась едва заметная улыбка.

— Вы смотрите на эти кофейные деревья каждый день, — начал старейшина, и его глубокий, ровный голос мгновенно заглушил стрекот цикад. — Вы видите, как они гнутся под сильным ветром, но почти никогда не ломаются. Знаете ли вы, почему?

Никто из детей не ответил. Они заворуженно следили за узловатыми руками рассказчика, которые начали вычерчивать на пыльной земле невидимые линии.

— Потому что их корни глубоко под землей сплетены вместе, — продолжил он, сцепив пальцы рук в замок. — Так же, как сплетены наши жизни на этих холмах. Давным-давно, когда река Мукунгва была еще узким ручьем, а на месте наших плантаций стоял дикий лес, над долиной разразилась страшная буря.

Старик поднял руку, призывая слушателей представить надвигающийся ураган.

— Ветер ревел с такой яростью, что срывал кору с вековых деревьев. Ливень стоял сплошной серой стеной, за которой не было видно даже собственной вытянутой руки. На одном из холмов жила старая вдова по имени Каниньямба. Ее хижина была ветхой, глина на стенах давно потрескалась, а руки женщины были слишком слабыми, чтобы укрепить каркас. Когда буря ударила в полную силу, центральный деревянный столб не выдержал. Крыша ее дома с треском рухнула, оставив вдову и ее маленьких внуков под открытым небом, заливаемым ледяным дождем.

Манзи подался вперед, затаив дыхание. Он живо представил себе хрупкую хижину, промокших насквозь детей и плачущую женщину в крошечной тьме.

— Утром, когда дождь немного стих, но ветер еще свирепствовал, сбивая с ног, вдова сидела на руинах своего дома, — голос старейшины стал тише, заставляя детей придвинуться еще ближе. — Она закрыла лицо руками, думая, что это конец. Ей негде было укрыться от грядущей ночи. Но мимо по размытой тропе проходил ее сосед, его звали Гахиги. Да, его звали так же, как меня, — старик усмехнулся, заметив удивленные взгляды младших слушателей. — Увидев беду, он не ускорил шаг, чтобы поскорее добраться до своего теплого очага. Он остановился, подошел к плачущей женщине и сказал ей: «Одна рука не может удержать крышу дома, но

вместе мы удержим небо».

Взрослые, сидевшие рядом, одобрительно закивали. Эту историю они слышали десятки раз, с самого раннего детства, но каждый раз слушали с неизменным уважением, откладывая в сторону недоеденные лепешки.

— Тот Гахиги не стал в одиночку поднимать тяжелые балки, — старейшина приложил сжатые кулаки ко рту, имитируя форму рога. — Он поднялся на самую высокую точку холма и протрубил в призывной рог. Соседи на других склонах услышали сигнал. Никто не спросил, зачем их зовут, никто не пожаловался на усталость. Мужчины пришли с топорами и сразу ушли в лес за крепкой древесиной. Женщины принесли связки сухой слоновой травы и свежие банановые листья для новой крыши. Даже дети, такие же маленькие, как вы, таскали в ладонях воду и месили ногами глину для обмазки стен.

Гахиги обвел широким жестом сидящих вокруг людей — отца Манзи, братьев, соседей с верхних террас.

— Каждый делал то, что было ему по силам. К закату солнца на месте разрушенных руин стоял новый, крепкий дом. Вдова вынесла соседям кувшин своего лучшего домашнего пива. И тогда старейшина той деревни встал у порога и сказал слова, которые стали нашим законом: «Наша сила не в богатстве и не в количестве коров. Наша сила — в общем деревянном столбе, который держит нашу общину». Это и есть Умуганда. Опорный столб, который мы приносим вме-

сте. Когда падает крыша в доме соседа, мы не ждем просьбы о помощи — мы просто идем и держим ее.

Слова старика повисли в густом полуденном воздухе. Манзи посмотрел на свои маленькие, перепачканные красной землей ладони, пытаясь представить, смог бы он удержать тяжелый деревянный столб, если бы дом Гахиги начал рушиться.

Тишину нарушил лишь шелест листьев гигантского фикуса. Но этот шелест внезапно изменился.

Порывистый, холодный ветер пронесся над плантацией, резко взметая красную пыль с тропинок. Температура воздуха упала за считанные секунды. Широкие листья банановых пальм, еще минуту назад лениво висевшие в неподвижном мареве, теперь тревожно забили друг о друга, издавая сухой, хлопающий звук, похожий на нестройные аплодисменты.

И тут над долиной разнесся звук.

Низкий, протяжный, вибрирующий гул ударил по ушам. Он пришел с соседнего холма, прорезая сгущающуюся над рекой тишину. Это пел амакондера — традиционный сигнальный рог. Не прошло и нескольких секунд, как ему ответил другой такой же звук, чуть дальше, за крутым изгибом реки Мукунгвы. А затем еще один — уже с их собственного склона.

Отец Манзи мгновенно вскочил на ноги, опрокинув пустую миску.

— Идет шторм! — крикнул он, глядя в горизонт сквозь просветы в ветвях фикуса.

Над рекой стремительно поднималась черная, неестественно плотная стена облаков. Она клубилась, на глазах пожирая синеву неба, и несла с собой резкий запах озона, сырой земли и раздавленной листвы. Грозовой фронт надвигался со страшной скоростью, обещая не просто тропический ливень, а настоящий шквал, способный срывать соломенные крыши и ломать молодые деревья.

Отдых закончился в одно мгновение, словно его и не было. Мужчины схватили мачете и побежали вверх по крутому склону, к своим глинобитным домам. Тяжелые корзины с собранным кофе были брошены прямо на циновках под защитой корней фикуса. Женщины спешно подхватывали на руки самых младших детей, направляясь к надежным укрытиям.

Манзи вскочил следом за братьями. Его сердце колотилось от резкой смены обстановки, но страха не было — только предельно сжатое, напряженное ожидание.

— Манзи! Беги к загону, помоги матери загнать коз! — крикнул отец на бегу, на ходу перехватывая с земли моток толстой веревки из прочных пальмовых волокон.

Мальчик бросился к своему дому, изо всех сил перебирая босыми ногами по каменистой тропе. Ветер уже сбивал с ног, поднимая в воздух сорванные листья, мелкие ветки и тучи едкой пыли. Небо потемнело так быстро, словно на-

ступили глубокие сумерки. Банановые рощи вокруг селения угрожающе раскачивались, их стволы скрипели под напором стихии.

Добежав до своего двора, Манзи увидел, как отец и старейшина Гахиги уже карабкаются на покатую крышу их дома. Они работали без лишних слов, понимая друг друга с полувзгляда. Гахиги ловко перебросил тяжелую веревку через конек крыши, а отец Манзи поймал ее с противоположной стороны, намертво привязывая к вкопанным в землю деревянным кольям.

— Давай камни! — перекрикивая нарастающий вой ветра, скомандовал отец старшим сыновьям.

Братья Манзи таскали тяжелые булыжники от очага, укладывая их на края плетеного из листьев настила, чтобы порывы шквала не смогли поддеть и сорвать кровлю.

Манзи подбежал к загону. Животные блеяли в панике, мечась вдоль ограды. Вместе с матерью он начал загонять упрямых коз под прочный навес, подталкивая их в бока. Как только последнее животное оказалось внутри, мальчик плотно задвинул деревянную жердь, запирая калитку. Дождь еще не начался, но в воздухе уже висела плотная водяная пыль, оседающая на коже холодными каплями.

Обернувшись, Манзи посмотрел на соседний участок — жилище Гахиги. Там на крыше уже трудились другие соседи, закрепляя балки свежими, тяжелыми ветвями, принесенными из леса. Никто в селении не спасал только свой личный

дом. Мужчины перебегали от двора ко двору, направляясь туда, где не хватало рабочих рук, туда, где веревка натягивалась слишком слабо или где солома начинала угрожающе топорщиться.

Звук ритуальных рогов продолжал гудеть над долиной, теперь уже сливаясь с раскатами первого грома. Этот древний метод оповещения работал безупречно — за считанные минуты весь холм превратился в единый слаженный механизм, живой организм, готовящийся принять удар стихии.

Манзи прижался к толстой глиняной стене под навесом, чувствуя спиной легкую вибрацию земли. Над его головой, балансируя на скрипящих балках крыши, отец и Гахиги вдвоем натягивали последнюю страховочную веревку. Их руки, темные от работы и пыли, переплетались, завязывая сложный, невероятно прочный узел. Ветер трепал их одежду, но мужчины стояли твердо, упираясь ногами в стропила.

Где-то прямо над Мукунгвой с оглушительным треском раскололось небо. Первые тяжелые, ледяные капли ударили по сухой земле, мгновенно превращая пыль в скользкую красную грязь. Шквал взвыл с новой силой, пытаясь оторвать настил, но крепко связанная крыша лишь глухо скрипнула, сопротивляясь напору.

Глядя на то, как мужчины спрыгивают с крыши и, тяжело дыша, укрываются под навесом, ободряюще хлопая друг друга по мокрым плечам, Манзи вспомнил слова из недавно услышанной притчи. Один человек действительно не смог

бы удержать этот ветер. Но пока соседи стояли рядом, плечом к плечу, переплетая свои жизни так же крепко, как корни старых кофейных деревьев, никакая буря не могла разрушить их дом.

Глава 2. Отравленные семена

Густой, сладковатый аромат печеных бананов и нагретого меда заполнял тесную кухню, перебивая привычный запах древесного дыма. Мать склонилась над широким глиняным очагом, осторожно приподнимая деревянной лопаткой край тяжелого плоского камня, служившего крышкой для жаровни. Сегодня наступил Умуганура — великий день первого урожая, древний праздник, который поколениями собирал жителей руандийских холмов за общими столами. На деревянном настиле у окна уже остывал огромный традиционный пирог, источающий горячий пар. Его золотистая корочка, щедро пропитанная соком сладкого сорго, блестела в лучах утреннего солнца, пробивающихся сквозь щели в ставнях.

Манзи сидел на низкой скамеечке в углу, заворуженно наблюдая за движениями матери. Восьмилетний мальчик помогал перебирать подсушенные стебли слоновой травы, из которых плели праздничные корзины. Обычно в день Умуганура дворы наполнялись смехом, а женщины с самого рассвета перекликались через заборы, обсуждая, чье угощение удалось лучше. Но этот год, тысяча девятьсот девяносто тре-

тий, принес на холмы непривычную, вязкую тишину. Воздух казался натянутым, словно струна традиционной арфы инанга, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.

Женщина вытерла лоб тыльной стороной ладони, оставляя на смуглой коже легкий след белой муки. Ее лицо, обычно спокойное и озаренное внутренней мягкостью, сегодня казалось сосредоточенным и напряженным. В последние месяцы невидимая граница пролегла между их двором и участками соседей. Споры о линиях земли вспыхивали все чаще, а по вечерам из-за заборов доносились обрывки агрессивных радиопередач, сеющих ядовитые слова. Мать верила, что древний обычай способен растопить этот лед. Разделенная пища всегда означала примирение, а праздник урожая не терпел вражды.

— Неси поднос, мой маленький леопард, — тихо попросила она, кивнув на широкое плетеное блюдо, украшенное сложным геометрическим узором.

Мальчик бережно подал ей поднос. Женщина аккуратно переложила тяжелый, пышущий жаром пирог на плетеную поверхность, накрыв его сверху свежими, ярко-зелеными банановыми листьями, чтобы сохранить тепло. Она переделась в свое лучшее платье — умушанана, струящуюся ткань нежно-голубого цвета, которая подчеркивала ее гордую осанку. Водрузив ношу на голову с грацией, присущей только руандийским женщинам, она взяла Манзи за руку.

Тропинка, ведущая к соседскому двору, вилась сквозь гу-

стые заросли кустарника. Красная пыль мягко ложилась на босые ноги. Где-то далеко, на противоположном склоне долины, глухо ритмично били барабаны, возвещая о начале празднеств, но здесь, на их холме, царило гнетущее безмолвие. Манзи крепко сжимал теплую ладонь матери, чувствуя, как передается ее едва заметная дрожь.

Двор соседей-хуту встретил их неприветливо. Хозяин дома, высокий мужчина с глубокими залысинами, сидел на деревянной колоде, затачивая мотыгу. Его жена стояла у входа в хижину, скрестив руки на груди. Никто из них не произнес традиционного приветствия, никто не предложил гостям сесть в тень.

Мать остановилась посреди двора, плавно опустив поднос с пирогом на вытянутые руки. На ее лице играла примирительная, искренняя улыбка.

— Пусть этот урожай принесет мир и сытость в ваш дом, — произнесла она мягким, певучим голосом. — Я принесла плоды нашей земли, чтобы мы разделили их, как делили наши отцы и деды. Умуганура не знает чужих.

Соседка презрительно скривила губы, не сдвинувшись с места. Хозяин дома медленно поднялся с колоды, отбросив точильный камень в сторону. Его глаза сузились, а подбородок упрямо выдвинулся вперед.

— Вашей земли? — голос соседа прозвучал резко, как треск ломающейся сухой ветки. — У вас нет здесь земли. Вы занимаете то, что по праву принадлежит нам. Ваши участки

расползаются, как сорняки, удушая наши посевы.

Улыбка на лице матери дрогнула, но она не отступила. Женщина сделала шаг вперед, протягивая поднос чуть ближе.

— Мы живем бок о бок уже три поколения. Наши дети играли в одних рощах. Разве полоска красной глины стоит того, чтобы забыть о соседстве? Примите этот пирог. Пища, съеденная вместе, смывает любые обиды.

— Мы не едим с ворами, — выплюнула соседка, делая угрожающий шаг навстречу. — И нам не нужны ваши лживые подношения. Вы приходите с улыбками, а сами только и ждете, как бы отхватить еще кусок нашего склона.

Слова ударили хлестко, но то, что произошло дальше, заставило Манзи вздрогнуть всем телом. Сосед резко взмахнул рукой, ударив по краю плетеного подноса. Движение было быстрым, полным неконтролируемой злобы.

Поднос вылетел из рук матери. Свежие банановые листья разлетелись в стороны. Огромный, с любовью испеченный пирог тяжело рухнул в сухую красную пыль. Золотистая корочка треснула, выпуская наружу сладкий пар, который мгновенно смешался с грязью. Искусно сплетенный поднос откатился к ногам соседа, и тот намеренно наступил на него грубым башмаком, ломая хрупкие сухие стебли.

Воздух во дворе замер. Манзи смотрел на растоптанное угощение, не в силах поверить своим глазам. В руандийской культуре выбросить предложенную пищу означало нанести

самое глубокое, несмываемое оскорбление. Это было хуже пощечины. Это был разрыв всех человеческих связей.

Мать стояла неподвижно. Ее грудь тяжело вздымалась, а пальцы, только что державшие поднос, мелко дрожали. Она не стала кричать или отвечать на оскорбления. Медленно, с достоинством, которое резко контрастировало с дикой выходкой соседей, она наклонилась, подняла из пыли сломанный поднос и отряхнула его.

— Пусть Бог рассудит нас, — тихо сказала она.

Крепко взяв остолбеневшего Манзи за руку, женщина повернулась и пошла прочь со двора. Мальчик оглянулся лишь однажды, увидев, как на сладкие крошки, рассыпанные в грязи, уже начали слетаться крупные черные муравьи.

Обратный путь прошел в полном молчании. Солнце палило нещадно, но Манзи чувствовал только ледяной холод, исходящий от напряженной руки матери. Когда они переступили порог своего дома, старшие братья мгновенно поняли, что произошло.

Двое рослых юношей, чьи плечи уже налились мужской силой от работы на кофейных плантациях, уставились на перепачканный грязью, изломанный поднос. Лицо матери, бледное и осунувшееся, говорило само за себя.

— Они выбросили угощение? — голос старшего брата дрогнул от подступающей ярости. — Они посмели поднять руку на то, что принесла наша мать?

Не дожидаясь ответа, братья бросились к углу хижины.

Там стояли тяжелые, отполированные долгим использованием деревянные палки, которыми обычно обмолачивали сухую фасоль. Схватив импровизированное оружие, юноши направились к выходу. Их глаза горели жаждой немедленного возмездия. Никто не имел права безнаказанно топтать честь их семьи на глазах у младшего брата и матери.

Путь им преградила широкая фигура отца. Он только что вернулся с дальнего участка, и его рубашка потемнела от пота. Окинув взглядом разъяренных сыновей, сломанный поднос в руках жены и испуганного Манзи, мужчина мгновенно оценил ситуацию.

— Отойди, отец, — процедил сквозь зубы старший сын, крепче перехватывая тяжелую палку. — Они назвали нас воррами, они бросили наш пирог в пыль. Если мы проглотим это сегодня, завтра они придут выгонять нас из собственного дома.

Отец не сдвинулся с места. Его голос прозвучал негромко, но в нем слышалась сталь, не терпящая возражений.

— Положите палки. Немедленно.

— Но они...

— Я сказал, положите оружие! — рявкнул отец так, что задрожала посуда на полках. — Вы хотите уподобиться им? Хотите пролить кровь в день Умуганура? Вы думаете, ударив соседа по голове, вы вернете уважение к нашей семье? Вы лишь подольете масла в огонь, который и без того готов пожрать наши холмы.

Братья тяжело дышали, сверля отца непокорными взглядами. Их грудные клетки ходили ходуном, а костяшки пальцев побелели от напряжения. Но авторитет главы семьи был непререкаем. Медленно, с явной неохотой, они опустили палки на земляной пол. Дерево издало глухой, разочарованный стук.

— Сядьте у очага, — приказал отец, указывая на остывающие угли. — Все сядьте. Нам нужно поговорить.

Мать молча ушла в дальнюю комнату, унося с собой испорченный поднос. Манзи пристроился на своей скамеечке, подтянув колени к подбородку. Старшие братья тяжело опустились на циновки, всем своим видом выражая протест и кипящую обиду.

Отец сел напротив них. Он долго смотрел на серый пепел в очаге, словно собираясь с мыслями. Когда он заговорил, его тон утратил командную жесткость, сменившись глубокой, усталой печалью.

— Вы злитесь на соседей, — начал он, глядя на сыновей. — Вы думаете, что эта ненависть родилась вчера из-за спора о границе банановой рощи. Но вы слепы. Этот яд был влит в наши источники задолго до вашего рождения. То, что вы видели сегодня — лишь всходы отравленных семян.

Манзи внимательно слушал, стараясь не пропустить ни слова. Братья тоже перестали хмуриться, захваченные неожиданным поворотом разговора.

— Я был совсем мальчишкой, чуть старше Манзи, когда в

тысяча девятьсот тридцать втором году на наши холмы пришли бельгийцы, — отец поднял взгляд, и в его глазах отразилось давнее воспоминание. — Мы жили тогда единым народом, называя себя баньяруанда. Мы говорили на одном языке, молились одному богу Имана, вместе пасли скот и вместе собирали урожай. Если у человека было много коров, его называли тутси; если он больше работал мотыгой на земле, его звали хуту. Но это не было клеймом. Хуту мог разбогатеть, купить стадо и стать тутси. Тутси мог потерять скот от болезни и стать хуту. Мы были переплетены, как корни деревьев.

Отец взял в руки тонкую веточку и начал чертить на пепле невидимые линии.

— А потом пришли белые люди в пробковых шлемах. Они принесли с собой странные металлические инструменты — холодные, блестящие циркули и линейки. Они выстраивали наших дедов и отцов в длинные очереди, прикладывая холодный металл к нашим лицам: измеряли ширину носов, длину черепов, рост. Они смотрели на нас не как на людей, а как на скот, который нужно рассортировать по загонам.

Голос мужчины дрогнул от сдерживаемой горечи. Он сломал веточку пополам и бросил ее в остывающий очаг.

— Они не понимали нашей жизни. Они решили, что те, кто выше ростом и имеет более тонкие черты лица — это высшая раса, пришедшая с севера, а те, кто коренаст и широкоплеч — низшая. Из нашего уклада, из нашей гибкой жизни колонизаторы искусственно выковали железную клетку. Они

ввели обязательные паспорта — желтые книжечки, в которых навсегда записали, кто есть хуту, а кто тутси. С тех пор переход стал невозможен. Чернила бельгийских чиновников разделили братьев. Они создали кастовую систему, раздали привилегии одним и посеяли чувство унижения в других.

Отец обвел взглядом сыновей, убеждаясь, что они понимают вес его слов.

— Наши соседи кричат о земле, но их злоба питается той старой ложью, которую вбили в их головы чужеземцы. Их научили ненавидеть нас по бумажке. Если вы сейчас возьмете палки и пойдете бить их, вы лишь подтвердите то, чего добивались те люди с линейками — вы станете врагами навсегда.

В комнате повисла тяжелая тишина. Манзи пытался представить себе этих странных людей с металлическими инструментами, измеряющими носы его предков. Это казалось нелепой, злой сказкой, но последствия этой сказки сегодня выбили поднос из рук его матери.

— Чтобы вы помнили, кто мы есть на самом деле, а не кем нас записали в документах, я расскажу вам историю, — отец выпрямил спину, и его голос обрел напевный ритм традиционного рассказчика. — Историю об Убугабире — о священном даре, который сильнее любой вражды.

Братья переглянулись, но промолчали. Эту притчу знали все на холмах, но сейчас, после вспышки гнева, она звучала иначе.

— Давным-давно на соседних холмах жили двое мужчин — Себахире и Рутазинда. Их семьи много лет враждовали из-за границ земельных участков, точно так же, как мы сейчас спорим с нашими соседями. Они не разговаривали, презирали друг друга и при встрече демонстративно отворачивались, сплевывая на землю.

Отец плавно повел рукой, словно рисуя в воздухе два враждующих холма.

— Однажды ночью на загон для скота Рутазинды напала стая диких гиен. Скот в панике проломил изгородь. Животные разбежались по темноте, а лучшую корову Рутазинды хищники сильно ранили, разорвав ей бока. Рутазинда был в отчаянии: потеря скота означала нищету и позор для его семьи. Утром Себахире обходил свои владения и нашел на границе участков израненную, ослабевшую корову своего злейшего врага.

Манзи подался вперед. Он любил этот момент в истории, когда герой стоял перед выбором.

— Себахире мог бы оставить ее умирать, — продолжил отец. — Мог бы забрать себе или добить, чтобы отомстить за старые обиды. Вместо этого он привел своего лучшего лекаря. Он лично обрабатывал раны животного целебными травами и три дня выхаживал корову в своем загоне, не смыкая глаз. Когда животное поправилось, Себахире сам привел его к дому Рутазинды.

Отец сделал паузу, позволяя сыновьям представить эту

встречу.

— Рутазинда вышел навстречу, сжимая в руке копье. Он ожидал насмешек, ожидал требования огромного выкупа за спасение. Но Себахире улыбнулся, передал поводок и произнес ритуальные слова: «Amashyo! Желаю тебе тысяч коров! Я возвращаю твою корову. Но больше того — я хочу подарить тебе лучшую телку из своего личного стада в знак того, что наши холмы больше не разделены враждой».

Голос отца наполнился торжественностью, отражающей величие древнего ритуала.

— Рутазинда был поражен до глубины души. Принять корову в дар по закону Убугабире означало заключить вечный союз, стать кровными братьями. Копье выпало из его рук. Он ответил: «Amashyo n'abana! Желаю тебе коров и детей! Твой дар стирает прошлое». С этого дня они стали Abagabirane — людьми, связанными даром коровы. Их дети женились друг на друге, а их холмы стали одним целым.

Отец замолчал, давая истории осесть в умах сыновей.

— Вот наша истинная суть, — тихо подытожил он. — Мы — народ, который лечит корову врага, а не народ, который бьет соседа палкой из-за глупых слов. Мы должны быть выше той ненависти, которую нам навязывают. Мы должны сохранить наше достоинство.

Слова отца повисли в спертom воздухе хижины. Манзи почувствовал, как напряжение в его собственных плечах немного отпускает. Мудрость предков всегда казалась ему

несокрушимым щитом, способным защитить от любых бед. Он перевел взгляд на старших братьев, ожидая увидеть на их лицах облегчение или хотя бы задумчивость.

Но братья не смотрели на отца, не смотрели на углы в очаге.

Старший брат медленно, словно во сне, опустил руку в нагрудный карман своей рубашки. Пальцы извлекли на свет небольшую, потертую книжечку — это было его удостоверение личности, выданное в административном центре округа. Средний брат последовал его примеру, достав точно такой же документ.

Желтая бумага слабо шелестнула в тишине комнаты. Братья раскрыли паспорта на той самой странице, где бельгийская система, перенятая местными властями, оставила свой несмываемый след.

Манзи не умел читать сложные официальные документы, но ему не нужно было знать буквы, чтобы понять суть происходящего. Взгляды братьев были прикованы к одной-единственной графе — роковому штампу, который перечеркивал все древние притчи о прощении, все истории о кровном братстве и исцеленных коровах.

Чернила на бумаге кричали громче, чем голос отца. Они определяли, кто имеет право ходить по этой земле, а чей пирог должен быть втопан в пыль. Братья молча обменялись мрачными, полными горького понимания взглядами. Притча принадлежала прошлому, которое стремительно рассыпа-

лось, как высохшая глина. А желтые книжечки в их руках были настоящим — жестоким, неумолимым и готовым пролиться кровью.

Глава 3. Яма для ферментации

Треск дешевого пластикового динамика казался неестественно громким в утренней тишине комнаты. Радиостанция «Свободное радио тысячи холмов» больше не транслировала зажигательные ритмы румбы. Вместо музыки эфир заполнял хриплый, срывающийся на истерику голос диктора, который повторял одни и те же фразы, вбивая их в сознание слушателей, как ржавые гвозди в дерево.

— Президент убит! Наш великий лидер Жювенал Хабиаримана мертв! Его самолет сбили те, кто прячется среди нас. Тараканы подняли головы, они хотят забрать нашу страну. Выходите на улицы! Берите свои инструменты! Высокие деревья должны быть срублены! Сорняки должны быть вырваны с корнем!

Отец Манзи стоял у окна, плотно задвинув деревянные ставни, и смотрел сквозь узкую щель на дорогу, ведущую к центру селения. Его широкие плечи, привыкшие к тяжести мешков с кофейными зернами, сейчас казались сгорбленными под невидимым грузом. Старшие братья нервно мерили шагами тесное пространство кухни. В их руках больше не было деревянных палок для обмолота фасоли — теперь они сжимали тяжелые сельскохозяйственные мачете, но в их гла-

зах читалась не ярость, а загнанный, животный страх.

Слухи начали расползаться по Мукунгве еще до рассвета. Соседские мальчишки, пробегавшие мимо их забора, шепотом передавали страшные вести: на перекрестках появились вооруженные отряды ополченцев. Дороги перекрыты баррикадами из поваленных стволов и старых покрышек. Бежать было некуда. Смертоносная машина, которую месяцами подогревали ядовитыми речами из радиоприемников, сорвалась с цепи.

— Мы должны уйти к реке, — глухо произнес старший брат, останавливаясь посреди комнаты. — Если мы переберемся на другой берег до наступления темноты, сможем затеряться в лесах.

Отец медленно покачал головой, не отрывая взгляда от щели в ставнях.

— Леса уже прочесывают. Я вижу дым над соседним холмом — они подожгли дома тех, кто пытался бежать. Нас убьют на первой же тропе. Нам нужно переждать. Гахиги... он старейшина. Он знает нас всю жизнь. Я отдам ему наше стадо, все наши запасы. Он не пустит чужаков на наш участок.

Мать, до этого молча собиравшая в узел какие-то вещи, резко выпрямилась. Ее лицо, обычно мягкое и спокойное, сейчас превратилось в застывшую маску из серого камня. Она не стала спорить с мужем или разубеждать сыновей. Женщина просто подошла к Манзи, который сидел на полу,

обхватив колени руками, и рывком подняла его на ноги.

— Идем, — коротко бросила она, потянув мальчика к задней двери, ведущей прямо в густые заросли банановой рощи.

Утренний воздух был влажным и тяжелым. Листья огромных пальм скрывали небо, создавая иллюзию безопасности, но сквозь их шелест уже пробивались чужие, пугающие звуки: отдаленные крики, звон разбиваемого стекла и глухие удары, от которых содрогалась земля.

Мать тащила Манзи сквозь колючий кустарник, не обращая внимания на ветки, царапающие лицо и руки. Она направлялась к дальней границе их участка, туда, где земля резко уходила вниз, образуя естественный овраг. Именно здесь находилась старая яма для ферментации — глубокий земляной колодец, который семья традиционно использовала для созревания зеленых бананов. Собранные гроздья укладывали на дно, перекладывали сухими листьями и закрывали на несколько дней, чтобы плоды пустили сок, из которого потом варили терпкое домашнее пиво урвагва.

Сейчас яма пустовала. Урожай еще не был собран, и на дне лежали лишь прошлогодние, почерневшие от времени листья.

Остановившись на краю колодца, женщина опустилась на колени. Ее дыхание срывалось, грудь тяжело вздымалась, но движения оставались пугающе четкими и быстрыми. Она сбросила на дно старую циновку, бросила следом небольшую пластиковую бутылку с водой и несколько лепешек, заверну-

тых в ткань.

— Слушай меня внимательно, мой маленький леопард, — ее голос звучал непривычно сухо, без привычных певучих интонаций. — Ты спустишься туда и ляжешь на дно.

Манзи с ужасом посмотрел в темный провал. Оттуда пахло сырой землей, плесенью и застарелым, кислым духом брожения. Это было похоже на могилу.

— Мама, темно... Я не хочу туда, — прошептал мальчик, цепляясь непослушными пальцами за край ее платья. — Пойдем вместе к реке. Папа сказал...

— Папа ошибается! — резко оборвала она, но тут же смягчилась, обхватив лицо сына обеими ладонями. Ее пальцы были ледяными, несмотря на тропическую духоту. — Слушай меня. Ты не издашь ни звука, что бы ты ни услышал наверху, кто бы ни звал тебя по имени. Даже если это буду я. Даже если это будет отец. Ты не пошевелишься, пока не наступит полная тишина. Ты понял меня?

Мальчик судорожно кивнул, глотая подступающие слезы. Глаза матери наполнились влагой, но она не позволила себе заплакать. Вместо этого она прижалась лбом к его лбу, передавая ему свою дрожь.

— Манзи, мальчик мой, — прошептала она слова, которые навсегда выжгутся в его памяти, став единственным компасом в надвигающейся тьме. — Если ты выживешь, постарайся сделать всё, чтобы такое больше не повторилось никогда и нигде. Сделай так, чтобы никто больше не прятал

своих детей в земле.

Не дав ему ответить, она подхватила его под мышки и опустила на дно ямы. Стенки колодца были скользкими, земля осыпалась под ногами. Оказавшись внизу, Манзи сжался в комок на старой циновке. Прямоугольник света над его головой начал стремительно сужаться. Мать укладывала поверх ямы толстые ветви, переплетая их широкими банановыми листьями. Затем посыпалась земля.

Свет исчез почти полностью — осталась лишь узкая, неровная щель между кривыми досками настила, через которую внутрь проникал тонкий луч и спертый, горячий воздух.

Шаги матери стихли вдали. Манзи остался один в абсолютной, удушающей темноте.

Время в земляном мешке потеряло свои очертания. Мальчик лежал на боку, прижав колени к груди, и слушал. Сначала роща была тихой, лишь привычно стрекотали цикады, да где-то высоко в ветвях перекликались птицы. Но по мере того, как солнце поднималось в зенит, нагревая землю над его головой, звуки внешнего мира становились все более зловещими.

Издалека доносился монотонный гул толпы. Он нарастал, накатывался волнами, разбиваясь о склоны холмов Мукунгвы. К этому гулу примешивались резкие, гортанные выкрики, ритмичный свист и глухие удары. Это не было похоже на шум праздника или звук работающей плантации — это был

звук идущей по земле смерти.

Ближе к вечеру, когда луч света, пробивающийся сквозь щель, стал тусклым и багровым, Манзи услышал хруст ломающихся веток совсем рядом. Кто-то тяжело ступал по сухой листве, приближаясь к их дому.

— Выводите их! Всех! — раздался грубый, незнакомый голос, сорванный от долгого крика.

Послышался грохот выбиваемой двери. Звон разбитой посуды. Тяжелые удары падающей мебели. Манзи зажал рот обеими руками, впиваясь зубами в собственную плоть, чтобы не закричать.

Во двор вытолкали людей. Мальчик слышал тяжелое, прерывистое дыхание своего отца. Слышал, как кто-то из братьев попытался вырваться, но последовал глухой, влажный звук удара, и юноша с хрипом рухнул на землю.

— Мы ничего вам не сделали! — голос отца дрожал, но в нем еще теплилась отчаянная надежда воззвать к рассудку. — Возьмите скот. Возьмите дом. Оставьте детей.

— Тараканы не имеют права на скот, — ответил незнакомец со смешком. — Тараканы не имеют права на жизнь.

И тут раздался другой голос. Спокойный, размеренный, до боли знакомый. Тот самый голос, который еще недавно под священным фикусом рассказывал детям притчи об Умуганде, о силе общей опоры и соседской взаимовыручке.

— Проверьте рощу, — произнес старейшина Гахиги. — У них был еще один отпрыск, младший. Он не мог уйти далеко

— ищите в кустах у реки.

Слова соседа ударили Манзи сильнее, чем удар кнутом. Сердце мальчика забилося с такой силой, что казалось, его стук услышат сквозь толщу земли. Человек, который делил с их семьей праздничный пирог, человек, чью крышу они вместе спасали от шторма, теперь спокойно и методично направлял палачей. Желтая бумажка с колониальным штампом оказалась сильнее вековой истории.

Сверху раздались тяжелые шаги. Несколько человек прочесывали заросли, рубя мачете непокорные ветви. Лезвия со свистом рассекали воздух в нескольких метрах от замаскированной ямы. Сухие листья шуршали под коваными ботинками ополченцев.

— Здесь пусто! — крикнул один из них. — Наверное, убежал к реке.

— Оставьте щенка, сам сдохнет, — рывкнул главарь. — Заканчивайте с этими. Нам еще нужно успеть на соседний холм до темноты.

То, что произошло дальше, навсегда лишило Манзи детства.

Звуки расправы не были похожи на то, что описывают в старых легендах. В них не было ничего героического. Только животный ужас, влажный хруст рассекаемой плоти, булькающие хрипы и отчаянные, захлебывающиеся крики матери, которые оборвались слишком быстро, сменившись тяжелой, звенящей тишиной.

Мальчик в яме кусал свои руки до крови. По его лицу текли горячие слезы, смешиваясь с грязью на щеках. Он не мог закрыть уши — его руки были заняты тем, что сдерживали рвущийся наружу вопль. В эти минуты он перестал быть ребенком, превратившись в затравленное существо, замурованное заживо в земляной могиле, пока наверху уничтожали весь его мир.

Когда шаги палачей стихли вдали, Манзи не пошевелился — он помнил приказ матери. Он лежал в луже собственной мочи, дрожа от холода, несмотря на духоту, и смотрел в темноту.

Дни слились в бесконечную, мучительную агонию. Маленькая пластиковая бутылка с водой опустела на третьи сутки. Лепешки покрылись зеленой плесенью, но голод заставил съесть их, давясь сухими крошками. Воздух в яме стал невыносимо тяжелым.

Только глубокой ночью, когда луна скрывалась за облаками, Манзи осмеливался отодвинуть одну из веток настила и высунуть голову наружу. Селение было мертво. Ни огонька, ни звука человеческой речи — только зловонный, тошнотворный запах разложения, висящий над холмами плотным саваном. Мальчик знал, где лежат тела его родных. Он чувствовал этот запах каждой клеткой своего истощенного тела, но ни разу не посмотрел в ту сторону — это было выше его сил.

Он выползал из ямы, передвигаясь на четвереньках, как

дикий зверек, рылся в гниющих остатках на земле, находя перезревшие, почерневшие бананы, которые упали с деревьев и уже начали бродить. Он высасывал из них сладковатую, отдающую спиртом мякоть и тут же полз обратно в свою нору, вздрагивая от каждого шороха.

Одиночество сводило с ума. В темноте ямы в его воспаленном мозгу постоянно звучал голос из радиоприемника. «Тараканы. Сорняки. Нелюди». Лежа в грязи, покрытый укусами насекомых, исхудавший до состояния скелета, обтянутого кожей, Манзи начал верить этим словам. Как можно оставаться человеком, если ты живешь в норе, питаешься падалью и дрожишь от страха при свете дня? Механизм расчеловечивания, запущенный пропагандой, работал безупречно даже здесь, на дне пустой ферментационной ямы. Мальчик испытывал жгучее, разъедающее чувство вины за то, что его сердце все еще бьется, тогда как сердца его сильных братьев и мудрого отца остановились навсегда.

Прошли недели. Дожди сменялись палящим зноем. Манзи настолько ослабел, что больше не мог отодвигать ветки настила. Он просто лежал на истлевшей циновке, ожидая конца. Его дыхание стало поверхностным, а грань между сном и явью стерлась окончательно.

Однажды утром тишину мертвой рощи нарушили шаги. Это не был крадущийся шаг мародеров — это была уверенная поступь группы людей. Ветки трескали под их ногами. Манзи инстинктивно вжался в земляную стену, пыта-

ясь стать еще меньше, слиться с грязью. Палачи вернулись, чтобы закончить работу — сейчас они поднимут настил, и сверкнет лезвие мачете.

Но вместо грубого приказа или смеха над рощей поплыла мелодия.

Сначала это было тихое мычание, а затем глубокий, чистый мужской голос запел слова, знакомые каждому ребенку на этих холмах:

— Красная ягода падает в корзину... Солнце встает над Мукунгвой... Ананьера, о, Ананьера...

Это была традиционная песня кофейных плантаторов. Та самая песня, под которую его мать перебирала зерна у реки, а отец ритмично взмахивал мачете, расчищая подлесок. Песня мирной жизни, песня общего труда, песня утраченного рая.

Услышав этот мотив, Манзи не выдержал. Защитные барьеры, выстроенные за недели нечеловеческого ужаса, рухнули в одно мгновение. Из его пересохшего горла вырвался хриплый, надрывный звук. Он попытался зажать рот руками, как учила мать, но сил не осталось. Слезы хлынули из впалых глаз, прокладывая светлые дорожки на перепачканном землей лице. Мальчик тихо, безнадежно зарыдал, выдавая свое укрытие.

Шаги наверху мгновенно замерли. Песня оборвалась.

— Тихо! — скомандовал кто-то властным голосом. — Вы слышали? Там, под ветками.

Послышался быстрый топот. Ветки, закрывающие яму,

начали спешно разгребать. Сухие банановые листья полетели в стороны. Яркий, ослепительный свет ударил по отвыкшим глазам Манзи, заставив его зажмуриться и закрыть лицо тонкими, похожими на птичьи лапки руками.

— Имана великая... Здесь ребенок! Живой!

Крепкие, теплые руки обхватили его под мышки. Они не держали мачете, не пахли кровью. Это были руки людей, которые прочесывали руины страны, пытаясь спасти тех немногих, кого еще можно было спасти.

Неизвестные осторожно, боясь сломать хрупкие кости, потянули истощенного восьмилетнего мальчика вверх, вытаскивая его из земляной могилы на залитый солнцем свет. Манзи безвольно повис в их руках, чувствуя, как свежий ветер касается его лица, и проваливаясь в спасительную темноту беспамятства.

Глава 4. Рейс Киншаса — Париж

Острая вулканическая крошка впивалась в подошвы, оставляя на коже тонкие царапины. Гигантская равнина вокруг конголезского города Гома, застеленная черным базальтом, теперь напоминала бескрайнее море синего и белого пластика. Палатки беженцев тянулись до самого горизонта, сливаясь в дрожащем от экваториального зноя мареве. Воздух здесь имел густой, почти осязаемый вкус хлорной извести, дыма от сырых дров и немых человеческих тел.

Манзи сидел на перевернутом пластиковом ведре возле

одной из тысяч одинаковых брезентовых времянок. Восемилетний мальчик безучастно смотрел на вереницу людей, выстроившихся к водовозке с эмблемой Красного Креста. Очередь двигалась медленно. Женщины в пыльных одеждах держали желтые канистры, мужчины переругивались из-за места, а дети просто лежали в тени редких кустарников, не находя сил даже на плач. В лагере свирепствовала холера. Инфекция распространялась стремительно, забирая тех, кто сумел пережить резню на родине, но не выдержал отравленной воды и истощения.

Тень упала на раскаленный камень рядом с ногами мальчика.

Высокий мужчина со светлыми, выгоревшими на солнце волосами опустил на корточки. На нем была жилетка сотрудника французской гуманитарной миссии, карманы которой оттягивали блокноты, ампулы с обеззараживающими таблетками и рация. Кристоф тяжело дышал. Его лицо покрывала блестящая пленка пота, а под глазами залегли глубокие тени от хронического недосыпа.

— Держи, — мягко произнес француз, протягивая блестящий фольгированный пакет.

Внутри находилась высококалорийная арахисовая паста, обогащенная витаминами — главное средство для спасения истощенных детей. Манзи не шелохнулся. Его взгляд оставался пустым, устремленным сквозь фигуру гуманитарного работника. За те недели, что прошли с момента его спасения

из земляной ямы, мальчик почти не разговаривал. Слова казались ему опасными, способными вновь привлечь беду.

Кристоф не стал настаивать. Осторожно положив пакет на колени ребенка, мужчина присел рядом прямо на вулканическую пыль. Он достал из кармана флягу, сделал глоток теплой воды и принялся чертить прутиком на земле контуры животных. Сначала появился неуклюжий слон, затем жираф с неестественно длинной шеей.

Уголки губ Манзи едва заметно дрогнули. Тонкие пальцы медленно легли на фольгированный пакет. Это был их ежедневный ритуал. Кристоф приходил каждый вечер после изнурительной смены в полевом госпитале, приносил дополнительный паек и просто сидел рядом, не требуя ответов, не задавая вопросов о прошлом. В этом молчаливом присутствии было больше безопасности, чем в любых утешительных речах.

Полог палатки откинулся, и наружу вышел Боско — один из тех руандийцев, что нашли Манзи в банановой роще и взяли под свою опеку. Мужчина выглядел уставшим; его рубашка потемнела от пота после целого дня поиска дров на склонах вулкана Ньярагонго.

— Он съел утреннюю порцию риса? — тихо спросил Кристоф, поднимаясь навстречу опекуну.

Боско отрицательно покачал головой.

— Пару ложек. У него жар со вчерашнего вечера, месье Кристоф. Соседняя палатка сегодня опустела. Там была се-

мья из Гисеньи... четверо детей. Инфекция забрала их за сутки.

Француз инстинктивно сжал кулаки. Ежедневная статистика смертности в лагере превратилась в сухие цифры на утренних брифингах, но для него этот конкретный, молчаливый ребенок с огромными глазами стал якорем в море всеобщего безумия. Кристоф чувствовал, как внутри нарастает решимость. Оставлять мальчика здесь было равносильно вынесению смертного приговора.

Вечером того же дня в душном административном шатре миссии состоялся тяжелый разговор. Вентилятор на столе координатора гонял горячий воздух, шевеля стопки бумаг.

— Это невозможно, Кристоф, — координатор, тучный бельгиец в мокрой на спине рубашке, устало потер переносицу. — Женевские конвенции, международное право, протоколы УВКБ ООН. Мы в зоне гуманитарной катастрофы. Вывезти ребенка во Францию без свидетельств о смерти обоих родителей и официального решения суда об опеке — это похищение.

— Родители убиты. Документов нет и быть не может. Их дом сожжен, — голос Кристофа звучал глухо, но твердо. — Если он останется в Гоме, через неделю я буду заворачивать его в пластиковый мешок.

— Я понимаю ваши чувства, но закон есть закон. Попробуйте провести его через границу легально — вас арестуют, а мальчика вернут в лагерь. Тема закрыта.

Выйдя из шатра в плотную африканскую ночь, Кристоф посмотрел на россыпь костров, освещающих склоны вулкана. Правила создавались для мирного времени. Здесь, на краю пропасти, слепое следование букве закона означало соучастие в убийстве. Решение созрело мгновенно, не оставив места для сомнений.

На следующее утро Кристоф пришел к палатке Боско раньше обычного. В его рюкзаке лежали все наличные сбережения, привезенные из Европы, и несколько пустых бланков, которые удалось незаметно взять из канцелярии миссии.

Руандийские опекуны сидели кругом на расстеленных циновках. Боско, выслушав план француза, долго молчал. Риск был огромен для всех. Если обман раскроется, гуманитарного работника ждет тюрьма, а мальчик окажется в конголезском приюте, условия в котором немногим отличались от лагерных.

Манзи сидел чуть поодаль, прижимая к груди пустую пластиковую бутылку. Он внимательно переводил взгляд с лица Кристофа на лица своих спасителей. Мальчик понимал не все слова, но безошибочно считывал интонации. Решалась его судьба.

— Мои предки говорили, — наконец произнес Боско, глядя прямо в глаза французу. — Если дерево падает, не спрашивай, из какого леса пришел человек, подставивший плечо. Мы спасли его из земли не для того, чтобы отдать холере.

Опекун подошел к Манзи и опустился перед ним на ко-

лени. Жесткие, мозолистые ладони легли на худые плечи ребенка.

— Ты полетишь с этим человеком, малыш. Он увезет тебя туда, где нет выстрелов и где вода чистая. Ты должен быть сильным. Помнишь, о чем мы говорили?

Манзи медленно кивнул. В его памяти всплыли слова матери, сказанные перед тем, как над ямой сомкнулись ветви. Выжить. Сделать так, чтобы это не повторилось. Чтобы исполнить это, нужно было покинуть холмы, ставшие огромным кладбищем.

Прощание было коротким. Никаких слез, никаких долгих объятий — только крепкие рукопожатия и тихие благословения на киньяруанда. Боско передал Кристофу небольшой узелок с единственной запасной рубашкой мальчика. Француз взял ребенка за руку, и они зашагали прочь от синих палаток, направляясь к стоянке джипов, уходивших в сторону местной взлетной полосы.

Путь до Киншасы занял двое суток на попутных грузовых бортах, пропахших машинным маслом и немытой шерстью. Столица Заира встретила их удушающей влажностью, ревом автомобильных клаксонов и запахом жареных плантанов, доносящимся с уличных жаровен. После мертвой тишины и скорбного гула Гомы этот город казался пульсирующим, агрессивным живым организмом.

Кристоф снял дешевую комнату в районе Гомбе. Облезлые стены были выкрашены в ядовито-зеленый цвет, а лопа-

сти потолочного вентилятора вращались с натужным скрипом, не принося прохлады.

Встреча была назначена на полдень.

В дверь негромко постучали. На пороге стоял грузный мужчина в безупречно чистом, несмотря на жару, льняном костюме. Его звали Патрис. В столице он считался человеком, способным решить любую бумажную проблему, если толщина конверта соответствовала сложности задачи.

Патрис прошел в комнату, брезгливо оглядел продавленный диван и сел на единственный крепкий стул. Манзи забился в угол кровати, настороженно наблюдая за незнакомцем.

— Месье Кристоф, — чиновник достал из нагрудного кармана шелковый платок и промокнул лоб. — Мои люди сообщили, что вам требуются документы для... особого случая.

— Мне нужно свидетельство о рождении, — Кристоф сел напротив, положив руки на стол. — Заирское. И вписание ребенка в мой временный проездной документ по медицинским показаниям.

Патрис скользнул взглядом по сжавшемуся в комок мальчику. Опытный глаз дельца мгновенно распознал в нем беженца с востока.

— Заирское свидетельство для руандийского сироты, — усмехнулся посредник. — Это не просто услуга, месье, это государственное преступление. Риски высоки.

Кристоф молча достал из внутреннего кармана жилетки плотный бумажный конверт и положил его на стол. Внутри находились три тысячи американских долларов — сумма, способная купить в Киншасе дом или несколько человеческих жизней.

Толстые пальцы Патриса ловко вскрыли конверт. Купюры тихо зашелестели в тишине комнаты, перекрывая скрип вентилятора. Чиновник пересчитывал деньги методично, не выражая никаких эмоций. Закончив, он спрятал пачку во внутренний карман костюма и извлек оттуда гладкую кожаную папку.

— Как мы его назовем? — деловито поинтересовался Патрис, откручивая колпачок дорогой перьевой ручки.

Кристоф посмотрел на Манзи. Мальчик должен был сохранить часть себя, свою суть, несмотря на фальшивые бумаги.

— Манзи. Это будет фамилия. А имя... Жан-Люк.

— Жан-Люк Манзи, — эхом отозвался чиновник, выводя красивые, витиеватые буквы на плотном бланке с водяными знаками Республики Заир. — Родился в Киншасе. Родители — граждане Заира, работали по контракту с французской строительной компанией. Трагически погибли в авткатастрофе месяц назад. Ребенок страдает от тяжелого посттравматического синдрома и истощения, нуждается в экстренной медицинской эвакуации в Европу.

Перо скрипело по бумаге, создавая новую реальность. С

каждым росчерком прошлое мальчика — кофейные плантации, страшная яма, радиопередачи и резня — стиралось для бюрократической машины. Теперь он был просто травмированным сиротой из столицы, легально покидающим страну со своим опекуном.

Патрис достал из папки тяжелую металлическую печать. Глухой удар по столу заставил Манзи вздрогнуть. Синие чернила навсегда зафиксировали ложь, спасающую жизнь.

— Ваш *Laissez-Passer*, месье Кристоф, — посредник пододвинул документы через стол. — Ребенок вписан. Печати подлинные. На границе вопросов не возникнет, если вы будете вести себя уверенно. Счастливого пути.

Когда за чиновником закрылась дверь, Кристоф долго смотрел на свежие чернила. Документ был идеален, ни один суд не смог бы придраться к качеству исполнения. Француз подошел к кровати и протянул бумагу мальчику.

— Теперь это твой щит, Манзи, — тихо сказал он. — Мы улетаем сегодня ночью.

Октябрьская ночь опустилась на международный аэропорт Н’джили плотным, душным покрывалом. Запах авиационного керосина смешивался с ароматами гниющей растительности, доносящимися со стороны реки Конго. Огромное здание терминала гудело от голосов сотен людей, ожидавших своих рейсов под тусклым светом люминесцентных ламп.

Манзи крепко сжимал руку Кристофа. Шум аэропорта пу-

гал его. Громкие объявления по громкой связи напоминали треск того самого радиоприемника, а толпы спешащих людей заставляли инстинктивно искать укрытие. Но ладонь француза была большой, теплой и надежной.

На стойке регистрации сотрудница авиакомпании мельком взглянула на Laissez-Passer, сверила печати и равнодушно шлепнула посадочные талоны на стойку.

— Рейс Air France до Парижа. Выход номер три. Посадка уже началась.

Они прошли через стеклянные двери на бетонное поле аэродрома. Впереди, освещенный мощными прожекторами, возвышался гигантский белоснежный самолет. Его турбины издавали низкий, вибрирующий гул, от которого дрожала земля под ногами. Для мальчика из селения Мукунгва эта машина казалась невероятным, пугающим зверем, готовым проглотить их целиком.

Ступеньки металлического трапа лязгали под ботинками Кристофа. Манзи поднимался следом, переставляя худые ноги в слишком больших, купленных в Киншасе кроссовках. На середине подъема ветер внезапно усилился, растрепав волосы ребенка.

Мальчик остановился.

Он обернулся и посмотрел вниз, за пределы освещенного бетона, туда, где начиналась беспросветная африканская тьма. Где-то там, за тысячами километров джунглей и саванн, остались зеленые холмы его родины. Осталась разру-

шенная хижина, остывший очаг и пустая земляная яма, которая стала его могилой и его колыбелью. Он увозил с собой только память и обещание, данное матери.

— Манзи? — Кристоф остановился на ступеньку выше, вопросительно глядя на ребенка. В свете посадочных огней лицо француза казалось напряженным. До тех пор, пока они не окажутся внутри салона, опасность не миновала.

Мальчик перевел взгляд на поддельный документ, уголок которого торчал из нагрудного кармана Кристофа. Жан-Люк. Чужое имя на чужой бумаге. Но сердце, бьющееся под ребрами, по-прежнему принадлежало сыну кофейных плантаторов.

Манзи крепче сжал ладонь опекуна, отвернулся от темноты и сделал следующий шаг вверх по металлическим ступеням, направляясь к открытому люку самолета, из которого лился яркий, искусственный свет. Турбины взревели громче, готовясь оторвать их от земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.